

Климатическая повестка современной России: ключевые барьеры и пути их преодоления

*Фото: Высшая школа экономики

Экспертные коммуникации ЦСП «Платформа». Материал подготовлен по результатам беседы с Николаем Куричевым – деканом Факультета географии и геоинформационных технологий Высшей школы экономики.

Таймлайн развития климатической повестки в России

Климатическая повестка в России формировалась с запозданием в несколько десятков лет по сравнению с западным миром. Бурное развитие пришлось на 2019–2021 годы. С чем это связано? Во-первых, в этот период усилилось давление мировых финансовых и отчасти товарных рынков: от компаний требовали климатическую стратегию, цели по декарбонизации, отчетности по углеродному следу. Параллельно Евросоюз принял решение о введении трансграничного углеродного регулирования. На тот момент российский бизнес был интегрирован в мировую систему и был вынужден следовать новым требованиям. Во-вторых, государство осознало, что игнорировать глобальную климатическую политику и регулирование нельзя, необходимо принимать документы стратегического планирования и регуляторные решения, подключать бизнес к решению климатических проблем.

За 2020–2021 годы мы сильно разогнались, климатическая повестка стала развиваться быстрыми темпами. Конечно, многие

направления были на уровне экспериментов, идей и проектов, а не окончательных решений. Другого ожидать за два года, наверное, и нельзя, но и практические достижения тоже были и имели важное значение. Дальше началась СВО. Пошла волна санкций; стало очевидно, что привлекать инвестиции с Запада дальше невозможно. Появилось много неотложных бизнес-задач, и вопросы изменения климата естественным образом отошли на второй план. Политика устойчивого развития и ESG-повестка несколько месяцев пребывали в подвешенном состоянии; некоторые даже думали, что они вообще потеряют актуальность. Но прошло уже два с половиной года, экономика в целом перестроилась на новые рельсы, и можно говорить о том, что опасения не оправдались. Государство не снимает с себя обязательств: мы не выходим из Парижского соглашения, активно участвуем в конференциях сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, продолжаем разработку законодательства и стратегических документов по климатической тематике. Несмотря на все сложности, крупный бизнес сохраняет базовую приверженность к экологической проблематике и вопросу изменения климата.

Однако процесс развития климатической повестки в России сегодня нельзя назвать быстрым и тем более ускоренным. Мы дошли до того уровня, когда необходимо принять ключевые политические решения, в том числе по созданию углеродного рынка, по введению законов, которые носили бы обязательный характер для всех. Пока эти решения не принимаются. Но глобальная повестка продолжает быстро развиваться. Интересно то, что драйвером развития в наши дни становятся развивающиеся страны – Китай и Индия, для которых климат – это вопрос жизни и здоровья населения. Китай уже проделал огромный путь, создал внутренний углеродный рынок и разрабатывает систему сквозного учета углеродного следа. Соответственно, если российский бизнес хочет вести дела с Китаем, ему нужно трансформироваться, адаптироваться к новым условиям. К сожалению, отставание России в области климатической политики

не только остается, но и усугубляется, так как не принимаются важные политические решения и нет коренных изменений: «Надо бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее».

Бизнес как драйвер развития климатической повестки

Сегодня в России реализуется пул инициатив в рамках государственной климатической повестки, например – Сахалинский эксперимент, углеродные полигоны, ВИП ГЗ, создан Реестр климатических проектов. В период пробуксовки повестки в поле государственного регулирования лучшие представители крупнейшего российского бизнеса продолжают реализовывать экологические и климатические проекты. Среди наиболее активных участников можно назвать СИБУР, «Норникель», «Северсталь», «Газпром нефть» и РУСАЛ. Разумеется, этот список не исчерпывающий.

У СИБУРа есть довольно понятная и реалистичная стратегия устойчивого развития и климатическая стратегия, в частности. Компания является одним из самых активных корпоративных партнеров программ карбоновых полигонов: СИБУР поддерживает программы в Татарстане, Воронежской и Тюменской областях. Помимо этого, корпорация реализует природно-климатические проекты, например лесоразведение в Татарстане и Воронежской области.

«Норникель», несмотря на то, что его риски с точки зрения углеродного регулирования значительно ниже, чем у других российских индустриальных компаний, активно участвует в вопросах изменения климата. У него есть своя климатическая стратегия, он реализует программу энергоэффективности. «Норникель» активно работает в области адаптации к изменениям

климата, поскольку регион присутствия компании – арктическая зона – наиболее подвержен климатической трансформации. И опыт, который нарабатывает «Норникель» в этом направлении, очень ценен. Стоит упомянуть и «Серную программу», которая не относится напрямую к вопросам изменения климата, но является, наверное, крупнейшей по стоимости экологической инициативой бизнеса в стране.

«Северсталь» сформировала содержательную программу технологических мероприятий по сокращению прямых выбросов, по повышению энергоэффективности. Компания проводила исследования по природно-климатическим проектам и особенно продвинулась в направлении восстановления водно-болотных угодий. В регионе присутствия компании – Вологодской области – это очень актуально: там много осушенных территорий, соответственно, компания планирует их восстанавливать. Почему такие проекты очень важны? Во-первых, осушенные торфяные болота – это большой источник парниковых газов, причем не только CO₂, но и метана. Во-вторых, обводнение болот – это восстановление экосистемы: возвращаются и начинают гнездиться водоплавающие птицы, увеличивается биоразнообразие, увеличивается сток рек.

«Газпром нефть» дальше всех продвинулась в реализации проектов закачивания CO₂ в пласт – есть проработанная программа в Оренбургской области. Насколько мне известно, это единственная российская компания, которая проделала реальную работу в этом направлении и имеет практические навыки, уникальные для России компетенции.

РУСАЛ реализовал известный лесопожарный проект в Красноярском крае, включил его в национальный кадастр и совершил первую сделку продажи углеродных единиц на международный рынок, в ОАЭ. У экспертов есть определенные вопросы к этому проекту, но

важно, что создан прецедент, получены первый опыт, компетенции и реальный задел для развития таких практик.

Но компании в последние три года реализуют в основном те проекты, которые имеют экономический или, реже, экологический эффект независимо от климатического регулирования и климатической политики. Как только дело доходит до вложений в «собственно климатические» проекты, компании ограничиваются в лучшем случае небольшими пилотами, которые рассматривают как работу на перспективу и инвестиции в накопление компетенций или просто как пиар-активность. Невозможно предъявлять бизнесу претензии в сложившихся условиях, потому что ключевые стимулы и ориентиры в вопросах общественного блага (а климатические проблемы по своей природе – долгосрочное общественное благо) должны исходить от государства. Об этом свидетельствует вся мировая практика, но у нас в России достаточно четких стимулов и сигналов со стороны государства до сих пор нет.

Основные препятствия развития климатической повестки в России и способы их преодоления

Коренная проблема развития климатической повестки в России состоит в отсутствии продуманной национальной климатической стратегии. У нас существуют Климатическая доктрина и стратегия низкоуглеродного развития, но они не предусматривают реальных механизмов достижения декларируемых целей. Операционный план стратегии низкоуглеродного развития уже почти три года находится на утверждении и пока не принят.

Еще одна важная проблема – отсутствие амбициозных среднесрочных целей в международном контексте. В рамках названной Стратегии мы должны к 2050 году значительно сократить объем выбросов, а к 2060 году перейти к углеродной

нейтральности, включая все виды парниковых газов, а не только CO₂. При этом согласно Парижскому соглашению и актуальному ОНУВ (определяемый на национальном уровне вклад) мы разрешаем себе до 2030 года наращивать выбросы, что для страны с уровнем развития России на мировом фоне выглядит странно и вызывает у многих (не только недружественных) государств обоснованную критику. Разнонаправленность среднесрочного и долгосрочного планирования естественным образом ставит под сомнение не только достижение углеродной нейтральности к 2060 году, но и достижение каких-либо других значимых целей по снижению выбросов.

Следующий сложный момент – пересмотр Национального кадастра выбросов парниковых газов. В ноябре опубликована новая версия, в которой пересчитали поглощение CO₂ лесами на основе данных дистанционного зондирования. Если посмотреть на информацию из предыдущей версии Кадастра от 2021 год, то за прошлый год леса поглотили 500 млн тонн CO₂, а согласно новому Кадастру – более 950 млн тонн. Разница колоссальная, значения выросли почти вдвое за счет пересмотра исходных данных. В результате расчетные нетто-выбросы по стране сократились примерно в 1,5 раза, а на 2022 год, получается, даже в 2 раза. Это эффект, заметный на глобальном уровне, порядка 1% всех антропогенных выбросов парниковых газов в мире. И ключевой аспект кроется не в научной обоснованности таких пересчетов (существуют разные мнения относительно этого вопроса, но, по-видимому, они в целом отражают действительность), а в отсутствии коммуникационной стратегии, которая решала бы задачу признания пересмотра Кадастра (исключительного по масштабам за многие годы) мировым сообществом. Другой вопрос: как мы будем корректировать стратегические документы в сфере климата, если мы кардинально пересмотрели ключевые показатели за базовый год и их динамику?

Что касается политических и организационных аспектов, в России сегодня нет обязательного углеродного рынка или углеродного налога. Регулирование носит рекомендательный характер. Соответственно, работа бизнеса в области снижения углеродного следа носит в основном инициативный характер. А зачем в таких условиях компаниям вкладывать деньги в климат, если можно их потратить на более насущные цели? Поэтому только малая доля компаний уделяет внимание климатической повестке и вкладывает в это направление деньги. Отсутствие обязательных практик снижения углеродного следа стопорит развитие всей климатической повестки. Нужно изменить подход, разработать и закрепить необходимые нормы.

Как можно решить ключевые проблемы? Надо сформулировать понятные и реальные цели снижения выбросов в среднесрочной перспективе и сформировать механизм их достижения. Если говорить о целях, то первоначально нужно закрепить позицию последовательного снижения объема техногенных выбросов. Это будет большим шагом для достижения глобальных целей. Что касается конкретных решений, то, во-первых, нужно перестроить систему реализации климатической политики. Сейчас у нас различные ведомства отвечают за разные отрасли и аспекты, нет консолидирующего центра. Необходимо ввести единый центр координации и ответственности на уровне вице-преьера, который бы отвечал за работу всей системы. Во-вторых, в среднесрочной перспективе нужно создавать обязательное углеродное регулирование. Необходимо в ближайшем будущем принять решение – будет это углеродный рынок или углеродный налог – и далее поэтапно проводить принятое решение в жизнь, постепенно расширяя отраслевой охват, ужесточая нормативы и нарабатывая необходимый опыт. Сейчас идут обсуждения этого вопроса, но дискуссии могут длиться годами, а низкоуглеродную трансформацию нельзя откладывать бесконечно. Это единственный вариант оставаться в глобальной экономической системе после того, как углеродное регулирование охватит большинство стран, в том числе Китай и Индию, и станет одним из сквозных

механизмов управления мировой экономикой, как таможенные правила и тарифы, финансовое и техническое регулирование.